

На правах рукописи

МЕГЕМ Максим Евгеньевич

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ЛИТВЫ
(ДО 1385 г.) В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
РОССИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Калининград – 2018

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»

Научный руководитель: **Кретинин Геннадий Викторович**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Михальченко Сергей Иванович**
доктор исторических наук, профессор, директор НИИ фундаментальных и прикладных исследований ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

Полехов Сергей Владимирович
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук».

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Защита диссертации состоится «___» _____ 2018 г. в 12 час. на заседании диссертационного совета Д 002.249.01 по историческим наукам, созданного на базе Института всеобщей истории РАН, по адресу: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, (ауд. 1406).

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института всеобщей истории РАН и на сайте www.igh.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2018 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
к.и.н.

Сокольская Нина Федоровна

Общая характеристика работы.

Актуальность темы исследования. Отечественная историография имеет богатый опыт исследования истории Литвы, как до революции, так и в советское время. Для постсоветской исторической науки прошлое ВКЛ остается актуальной темой научных изысканий. Несмотря на наличие новых веяний (в тематическом и методологическом плане) в современной исторической науке, восприятие прошлого ВКЛ во многом базируется на тех идеях, которые были высказаны в дореволюционный и советский периоды. Изучение этих краугольных установок является важной исследовательской проблемой. Кроме того, представляет интерес исследование литовской историографии в тесной связи с анализом дореволюционной и советской общественно-политической ситуации, которая во многом определяла конфигурацию исторической науки, а также оказывала воздействие на конструирование центральных сюжетов средневековой истории Литвы.

Объект исследования. В качестве объекта диссертационной работы выступает дореволюционная и советская историография средневековой истории Литвы XI – конца XIV вв.

Под отечественной дореволюционной историографией в диссертации подразумевается комплекс трудов, написанных на русском языке в контексте русской исторической традиции. Сочинения дореволюционных литовских и польских ученых не включаются в поле исследования, так как они представляют другую историографическую культуру, в которой рисуется совершенно иная картина литовского прошлого.

Кроме того, в данной работе мы оставляем за скобками советскую литовскую и советскую белорусскую историографии, в которых порой появлялись альтернативные официальной трактовки литовского прошлого. Цель исследования – изучить ключевые сюжеты средневековой истории Литвы, которые являлись составной частью официальной советской картины прошлого. Здесь стоит учитывать, что все эти официальные нарративы, касающиеся литовского Средневековья, конструировались исключительно советскими учеными. Альтернативные национальные прочтения истории Литвы на всесоюзном уровне в советское время никогда не вступали в конкуренцию с «парадными» интерпретациями литовского Средневековья.

Предметом исследования являются сюжеты литовской средневековой истории, которые сформировались в отечественной дореволюционной и советской историографии.

Хронологические рамки исследования.

Нижний предел хронологических рамок работы обусловлен временем написания исторических трудов, в которых присутствуют обращения к литовской истории. Первые произведения, в которых описываются отдельные эпизоды литовского Средневековья, появляются в первой половине XVIII в., в тот период, когда происходило зарождение отечественной исторической мысли. Верхний предел хронологии исследования совпадает с распадом СССР, когда начался принципиально новый этап в историографии ВКЛ.

Источниковая база исследования

Источниковая база весьма обширна, поэтому возможно и необходимо провести классификацию источников. Нами выделено 7 групп источников.

К первой группе источников, наиболее многочисленной, относятся труды дореволюционных и советских авторов, связанные с историей Литвы. В рамках этой группы в зависимости от роли Литвы в предмете исследования (главная или фоновая) можно выделить ряд подгрупп.

Первая подгруппа – это работы, посвященные научным изысканиям в области истории Литвы или Литовско-Русского государства. В них содержится авторское видение, авторская концепция литовского прошлого. Наличие общих подходов в интерпретации литовской старины свидетельствует о формировании в историческом дискурсе ключевых сюжетов литовской истории.

Вторая подгруппа – это работы, в которых рассматриваются отдельные аспекты литовской истории или конкретные периоды правления литовских князей. Взгляд дореволюционных и советских ученых на эти вопросы позволяет детализировать позицию исследователей по отношению к литовской истории, а также реконструировать восприятие исторических событий во всей полноте.

Третья подгруппа – это обобщающие фундаментальные, в том числе многотомные, труды по истории России, СССР и союзных республик или всемирной истории. Прошлое средневековой Литвы в этих произведениях излагается в сжатом, схематизированном виде в контексте русской/российской, советской или всемирной истории.

Вторую большую группу источников составляют статьи в дореволюционных и советских периодических изданиях, в научных сборниках, а также опубликованные в них рецензии. Материал, содержащийся в статьях, позволяет сделать вывод об исследовательских приоритетах и тематическом ландшафте научных изысканий. В рецензиях акцентируется внимание на ключевых моментах в трактовке литовского средневековья.

Третью группу источников составляют школьные и университетские учебники по истории России и СССР. В учебной литературе, как правило, происходит закрепление схем литовского прошлого, сформированных в официальном историческом нарративе.

Четвёртую группу источников составляют сборники документов по истории средневековой Литвы или истории территорий, являвшихся частью ВКЛ. Подбор соответствующих документов в них свидетельствует о формировании контуров и границ официальной исторической политики в отношении литовской истории. Кроме того, для понимания проблемы важны документы из сборников, в которых встречается информация о национальной и исторической политике Центра, по отношению к окраинам и их прошлому.

Ещё одну, пятую, группу историографических источников образуют труды по этнографии и географии, в которых содержатся сведения о литовской народности. Анализ этой информации показывает, как происходит трансфер исторических образов в смежные науки.

Ценным историческим источником являются высказывания и заметки представителей власти, а также интеллигенции по поводу Литвы и ее истории, опубликованные на страницах журналов и сборников. Это шестая группа источников.

Цель исследования – выявить и систематизировать основные сюжеты литовской средневековой истории (до 1385 г.), привлекающие наибольшее внимание дореволюционной российской и советской историографии.

Реализация поставленной цели потребовала решения следующих исследовательских **задач**:

- рассмотреть основные этапы изучения литовского средневековья в досоветский и советский период;
- охарактеризовать историографическую ситуацию, в которой творили дореволюционные и советские ученые, апеллировавшие в своих работах к литовскому прошлому;
- выявить эволюцию взглядов дореволюционных и советских историков относительно прошлого Литвы;
- реконструировать процесс институционализации дореволюционной российской и советской литуанистики;
- показать связь между общественной, внутри- и внешнеполитической ситуацией, национальной политикой Российской империи, Советского Союза и подходами учёных к осмыслению и описанию истории Литвы;
- сравнить дореволюционную и советскую традицию исследования литовского средневековья и выявить различия в сюжетах и концепциях.

Методология – в исследовании использованы различные **методы** исторического анализа, в частности *сравнительно-исторический ме-*

тод, позволивший сравнить процесс восприятия истории Литвы как отдельными учеными, так и научными школами на разных этапах развития литуанистики. В свою очередь, *историко-типологический метод* позволил классифицировать сюжеты и концепции средневековой литовской истории на основе присущих им признаков. Специфика темы историографической работы потребовала использования *методов текстологического и дискурсивного анализа источников*, посредством которых исследовались дореволюционный и советский научные нарративы, составлявшие основу коллективных представлений об истории средневековой Литвы. С учетом специфики изучаемого предмета исследования в рамках комплексного анализа применялись *подходы социокультурной истории*. В диссертационном исследовании представители исторической науки рассматриваются как определенная группа, которая в ответ на запрос общественно-политических элит породила систему взаимоотношений, в рамках которой были сформированы концепции и сюжеты дореволюционной и советской версий истории средневековой Литвы.

Практическая значимость исследования. Практическая значимость исследования заключается в возможном использовании его результатов при написании специальных работ по историографии Литвы, а также по национальной политике Российской империи и СССР, касающейся прибалтийского региона. Материалы работы могут быть применены при разработке общих вузовских курсов по историографии и истории дореволюционной России, Советского Союза и спецкурсов, посвященных историографии и прошлому ВКЛ.

Степень изученности темы. Долгое время историография средневековой Литвы оставалась вне пределов внимания исследователей. В основном авторы трудов по истории Литвы ограничивались лишь простым перечислением работ, вышедших до момента появления их собственных исследований. Первое систематическое изложение историографии Литвы появилось лишь в советское время и принадлежит известному литуанисту В.И. Пичете, который в 1920-е гг. написал две работы по этой тематике. В книге «Введение в русскую историю: (источники и историография)», в главе «Историография Белоруссии», он в конспективной форме поделился своими размышлениями о литовском историописании. В 1926-1927 гг. в журнале «Полымя» он публикует уже более обстоятельный обзор предшествующих трудов, в котором сосредоточивается на анализе истории литовско-белорусского права¹.

¹ Пичета В.И. Введение в русскую историю: (источники и историография). М.: Госиздат, 1922; Пичета В.И. Разработка истории литовско-белорусского права XV–XVI вв. в историографии// Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв.

В.И. Пичета, представитель дореволюционной науки, при адаптации к советской системе воззрений на исторический процесс использовал в своих исследованиях определенный набор марксистских категорий, объясняющих досоветское прошлое. Так, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, как полагает историк, оперируют, прежде всего, понятием «великодержавие», при этом история Литвы и Белоруссии по сравнению с прошлым Московского государства, в их произведениях занимает второстепенное место. Несмотря на использование марксистской терминологии и понятий, В.И. Пичета рассматривал досоветскую историографию, скорее, с дореволюционных позиций. Киевская школа историков, по словам В.И. Пичеты, сделала много для понимания сущности судеб литовско-белорусского государства, но ВКЛ «интересовало киевских историков не само по себе», а «как государственная формация, в составе которой находились украинские области, испытавшие на себе польское влияние...». Такой подход не позволял киевским историкам беспристрастно относиться к изучаемым явлениям и формам. Однако, несмотря на эти все эти недостатки, заслуги школы все же велики, так как ее представители ввели в оборот новый материал, наметили ряд важнейших тем. В 1890-е гг., по мнению В.И. Пичеты, появляются классические работы, написанные на основании Литовской метрики. Основоположителем этого движения ученый считает М.К. Любавского, историческая концепция которого «остаётся неопровержимой по своей отчетливости и убедительности». Особо отмечается тот факт, что М.К. Любавский отказался от централизма, который был присущ «Московской школе историков», и стал изучать отдельные составные части русского государства. Завершая анализ дореволюционной историографии Литвы, В.И. Пичета пишет о том, что по сравнению с разработанностью истории северо-восточной Руси результаты научного изучения литовско-белорусских судеб оказались незначительными. В особенности это касалось вопросов, «связанных с историей и организацией народного хозяйства»².

Спустя 30 лет дело В.И. Пичеты продолжил корифей советской литуанистики В.Т. Пашуто, который в своей монографии «Образование Литовского государства» подробно и детально разобрал русскую и советскую историографии. В контексте анализа дореволюционной науки автор поставил перед собой задачу представить более полную русскую дворянско-буржуазную концепцию образования Литовского государства. В.Т. Пашуто скептически относится к обобщениям дореволюционных ученых, что в целом свойственно советской историо-

(исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М.: АН СССР, 1961. С. 413–455.

² Там же. С. 427–431; Пичета В.И. Введение в русскую историю. С. 178–191.

графии. Первые работы, посвященные собственно истории Литвы, В.Т. Пашуто именует «официозом». Особо пристально он рассматривает концепцию Н.Г. Устрялова, объясняя свое внимание к ней тем, что все последующие авторы лишь подправляли ее, а в модифицированном виде она сохранилась вплоть до Октябрьской революции. Н.И. Костомарова, М.О. Кояловича, И.Д. Беляева он также причисляет к выразителям официальной историографии, которые не вели самостоятельной разработки истории древней Литвы. Родоначальником научной разработки литовской истории В.Т. Пашуто считает В.Б. Антоновича, но более глубокий подход он находит у его оппонента Н.П. Дашкевича. Лаконично комментируя основные положения А.Е. Преснякова, В.Т. Пашуто подвергает основательному анализу серию фундаментальных трудов по истории Литвы, принадлежащих перу наиболее крупного представителя «отечественной досоветской литванистики» М.К. Любавского, который, по оценке Пашуто, правильно увидел, что изучение истории русских земель, подвластных Литве, позволяет понять древнейший период русской истории³.

Систематизируя выводы дореволюционной историографии, В.Т. Пашуто указывает, что украинские ученые истории и права Ф.И. Леонтович, В.Б. Антонович, Н.П. Дашкевич, М.С. Грушевский, а вслед за ними М.К. Любавский и А.Е. Пресняков, не проводили специального изучения истории дофеодальной Литвы и раннефеодального Литовского государства, ограничившись освещением некоторых вопросов его политической эволюции. Он подчеркивает, что досоветская историография не выходила за рамки буржуазной социологии, объясняя образование Литовского государства результатом деятельности князей и внешнеполитическими причинами. Но, несмотря на все недостатки, дореволюционные авторы собрали значительный материал по истории литовско-русских отношений⁴.

В.Т. Пашуто был первым историком, обратившимся к анализу советской историографии. Ввиду отсутствия специализированных научных изысканий, главная заслуга советских авторов, по его мнению, состояла в том, что они основательно продумали теоретическую часть. Кроме того, он сообщает, что советские ученые высказали некие интересные соображения, которые подлежат проверке. Правда, какие это соображения и в чем их сущность, В.Т. Пашуто не уточняет⁵.

³ Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 162–190.

⁴ Там же. С. 4, 162, 190.

⁵ Там же. С. 241–245.

В советский период регулярно издавались общие работы по историографии, в которых описывался жизненный путь и научное творчество выдающихся дореволюционных отечественных ученых⁶.

В постсоветской России местом сосредоточения историографических изысканий в области истории средневековой Литвы стал Санкт-Петербург. В 1990–2000-е гг. А.Ю. Дворниченко, М.М. Кром и А.И. Филюшкин опубликовали ряд работ, посвященных различным аспектам литовского прошлого. Изучение предшествующей историографии – неотъемлемая составляющая этих исследований.

Одним из первых петербургских историков к литовскому средневековью в 1993 г. обратился А.Ю. Дворниченко. В первую очередь его внимание привлекла проблема положения русских земель в составе ВКЛ. Именно в этом ракурсе он излагает свои взгляды на историографию ВКЛ⁷. А.Ю. Дворниченко пишет, что политические события, в частности восстание в Польше, пробудили интерес к истории Западной Руси. Первые труды по истории Литовско-Русского государства Н.Г. Устрялова, Н.И. Костомарова, М.О. Кояловича и И.Д. Беляева характеризуются обычным перечислением фактов. Для Дворниченко него эти работы привлекательны тем, что в них был сформулирован вопрос об общинном, земском характере политического строя западнорусских земель. Изучение ВКЛ, как утверждает А.Ю. Дворниченко, достигает апогея, наивысшей степени интенсивности в конце XIX – начале XX в., когда историки переходят к серьезным обобщениям, а в ведущих университетах Киева, Москвы и Петербурга предпринимаются попытки создания «синтезирующих» трудов. К группе видных ученых этого периода, специализировавшихся на истории Литовско-Русского государства, А.Ю. Дворниченко относит М.К. Любавского, М.В. Довнар-Запольского, М.С. Грушевского и А.Е. Преснякова⁸.

Положительно оценивая дореволюционную историографию, А.Ю. Дворниченко критически относится к работам советского периода. По его словам, в СССР все больше отходили от изучения ВКЛ, занимаясь только некоторыми частными проблемами истории княжества. Монографию В.Т. Пашуто «Образование Литовского государства» А.Ю. Дворниченко воспринимает как «государственный заказ», написанный по заранее заданной схеме и устаревший больше, чем

⁶ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.: ОГИЗ, ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1941; *Очерки истории исторической науки в СССР.* Т. 1–3. М.: Изд-во АН СССР, Наука, 1963; *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М.: Высшая школа, 1978.

⁷ *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1993.

⁸ Там же. С. 6, 15–19.

многие дореволюционные труды. Ученый сожалеет, что в последующем выводы В.Т. Пашуто лишь уточнялись и развивались, а литовско-русская история была отдана на откуп общим изданиям, «которые изобиловали надуманными схемами и пышной риторикой». К тому же изучение ВКЛ «растасшили» по союзным республикам⁹.

Другой представитель петербургской науки А.И. Филюшкин заявляет, что наследие ВКЛ занимает важное место в русской исторической памяти: Россия видит в литовском «зерцале исторической памяти прежде всего саму себя». При этом интерес к истории ВКЛ, считает ученый, вызван не только политической конъюнктурой и попыткой обосновать экспансионистские устремления, но и интеллектуальными и духовными исканиями отечественных мыслителей¹⁰.

Следуя веяниям западной методологии, А.И. Филюшкин строит свое исследование на анализе исторических дискурсов:

- русские земли как жертва литовской оккупации, или дискурс агрессивности ВКЛ;
- поглощение земель Великого Лимитрофа как западный проект Российской империи, или дискурс исторической обреченности ВКЛ;
- наши земли, или дискурс необходимости завоевания ВКЛ;
- деспотическая Россия могла бы стать демократической по образцу ВКЛ, или дискурс «правильной Руси»¹¹.

Еще один петербургский ученый М.М. Кром в рамках обзора историографии русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. затронул ряд общих вопросов историографии средневековой литовской истории. М.М. Кром, как и его коллеги, чьи работы цитировались выше, считает, что Польское восстание 1863–1864 гг. пробудило в российском обществе интерес к истории Литвы. Политическая составляющая польских событий привела к оформлению «официального заказа», в результате которого на свет появился ряд проправительственных сочинений антипольской ориентации. Главным идеологом этого направления М.М. Кром называет М.О. Кояловича, работы которого, «не содержавшие новых фактов, не были исследованиями в собственном смысле слова, но они повлияли и на научные труды». С 1890-х гг., отмечает М.М. Кром, историографическая ситуация меняется: историки переходят «от поиска абстрактных «начал» к изучению реальных процессов». Труды М.К. Любавского, М.В. Довнар-Запольского, И.И. Лаппо, М.М. Кром причисляет к классике литуани-

⁹ Там же. С. 14, 26.

¹⁰ *Филюшкин А.И.* Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого княжества Литовского // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 561–601.

¹¹ Там же. С. 562–599.

стики, а лекции А.Е. Преснякова называет обобщением отечественной и зарубежной литуанистики¹².

Акценты послевоенной советской историографии, по словам М.М. Крома, делались на изучении русско-литовских отношений XV–XVI вв., а также судеб славянских земель в составе ВКЛ. Такой подход привел к забвению истории ВКЛ, так как литовская, украинская, белорусская «республиканские» историографии занимались исследованием прошлого своих частей этого государственного образования, что позволило ввести в научный оборот большой фактический материал. Главный вывод М.М. Крома сводится к тому, что история литовско-русских отношений в советский период находилась в прямой зависимости от ряда идеологических схем: идеи о противостоянии православной Руси католическому Западу, положения о решающей роли в истории народных масс и т.д.¹³.

Помимо сочинений петербургских авторов, разбор историографии Литвы встречается на страницах трудов Д.Н. Александрова, который рассматривал работы дореволюционных авторов на предмет наличия в них самостоятельного юго-западного/литовского пути развития западнорусских земель. Этот историографический обзор примечателен прежде всего тем, что только в нем в контексте литовской тематики упоминаются труды историков XVIII в.¹⁴ Кроме того, к обобщениям отечественных исследователей обращается брянский историк С.И. Михальченко. Правда, историография Литвы интересует его не как основной предмет исследования, а как одно из направлений научной деятельности историков Киевской школы¹⁵.

Представители современной литовской науки тоже не могли обойти стороной тему, связанную с дооктябрьской и советской литуанистикой. Одним из первых литовских историков, обратившихся к анализу дореволюционной российской и советской историографии, был эмигрировавший в США в ходе Второй мировой войны Ю. Якштас. В 1960 х гг. он отозвался рецензией на выход книги В. Т. Пашуто «Образование Литовского государства», которую историк-эмигрант называет

¹² Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М.: Квадрига, Объединенная редакция МВД России, 2010. С. 13–18.

¹³ Там же. С. 21–24.

¹⁴ Александров Д.Н. Южная, юго-западная и Центральная Русь в XIII–XIV вв. и образование Литовского государства. М.: Интеллектуально-деловой центр "Гармония", 1994. С. 29–43.

¹⁵ Михальченко С.И. Киевская школа: очерки об историках. Брянск: Изд-во Брянск. гос. пед. ин-та, 1994; он же. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). М.: Прометей; Брянск: Издательство БГПУ, 1997 и др.

первой серьезной работой по истории Литвы, написанной согласно марксистской теории. Тем не менее со стороны литовского ученого в адрес В. Т. Пашуто выдвигается множество упреков. Например, в работе советского исследователя просматривается позитивистский подход к образованию Литовского государства, раздел о классовой борьбе полностью носит пропагандистский характер и т.д.¹⁶

В свете российской имперской политики дореволюционную версию истории ВКЛ середины XIX в. проанализировал научный сотрудник Института истории Литвы Д. Сталюнас. В своей статье он показал, как эхо Польского восстания 1830-1831 гг. и взгляды министра народного просвещения 1830–1840-х гг. С.С. Уварова повлияли на формирование официальной концепции литовской истории, подчеркивающей русскую природу ВКЛ¹⁷.

Профессор Вильнюсского университета Р. Петраускас в своей статье «Тевтонский орден в литовской историографии: стабильные образы и меняющаяся перспектива» затронул проблему отображения литовско-орденских взаимоотношений литовскими авторами в советское время. Р. Петраускас пишет, что советизация Литвы сильно повлияла на литовскую историографию и исторический нарратив в целом. В текстах литовских ученых, как отмечает Р. Петраускас, «литовская патристическая риторика была удачно согласована с советской пропагандой...»¹⁸.

Первая серьезная попытка ревизии советской литовской историографии отражена в коллективном труде «Литовская советская историография. Теоретические и идеологические контексты» под редакцией А. Бумблаускаса и Н. Шепетюса¹⁹. Помимо этой коллективной монографии стоит отметить исследование А. Шведаса «В плену у матрицы. Литовская историография советских лет (1944–1985 гг.)». В этой работе литовский автор опровергает ранее устоявшиеся выводы о том, что советская литовская историография представляла собой монолитную систему, в которой не было места альтернативным официальному

¹⁶ *Jakštas J.* Russian historiography on the origin of the Lithuanian state. Some Critical Remarks on V.T. Pashuto's Study // *Lituanus*. Lithuanian quarterly journal of arts and sciences. 1965. Vol. 11, No.4. P. 25–46.

¹⁷ *Staliūnas D.* Imperial Nationality Policy and the Russian Version of the History of the Grand Duchy of Lithuania in the Mid-Nineteenth Century // *Central Europe*. 2010. №. 2. P. 146–157.

¹⁸ *Петраускас Р.* Тевтонский орден в литовской историографии: стабильные образы и меняющаяся перспектива / *Studia Teutonica*. Исследования по истории Немецкого ордена: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 104–123.

¹⁹ *Lietuvos sovietinė istoriografija: teoriniai ir ideologiniai kontekstai*. Vilnius: Aidai, 1999.

дискурсу нарративам. В его книге советская литовская историческая наука – это в том числе и пространство конфликтов²⁰.

В заключение остановимся на пробелах, которые свойственны советской и современной отечественной историографии. Во-первых, что вполне логично, большинство ученых подходило к историографии средневековой Литвы в контексте того предмета, который лежал в основе их исследования. Например, у В.И. Пичета это литовско-белорусское право XV–XVI вв., у В.Т. Пашуто – образование Литовского государства, у А.Ю. Дворниченко – положение русских земель в ВКЛ, у М.И. Михальченко – Киевская школа историков, у М.М. Крома – русско-литовские отношения конца XV – первой трети XVI в., и т. д.

Во-вторых, историография в большинстве случаев рассматривается сама по себе, отдельно от тех факторов, которые на нее повлияли. В лучшем случае историки упоминают о том, что два польских восстания XIX в. и идеологизированность советской науки определенным образом сказались на состоянии отечественной литуанистики. Иными словами, в работах большинства ученых отсутствует более глубокое погружение, позволяющее вскрыть все те институциональные внутри- и внешнеполитические факторы, которые определяли направление историографических изысканий. С другой стороны, все эти моменты изложены в работах, касающихся анализа национальной имперской и / или советской политики. Но в них, в свою очередь, обращение к историографическому материалу – редкость. Таким образом, актуальным видится появление исследования, на базе которого прослеживалась бы взаимосвязь между трактовками литовского Средневековья и теми факторами, которые оказывали на них воздействие.

В-третьих, историографические исследования, как правило, построены согласно хронологическому, а не проблемному принципу. Историографы сначала обращают свой взор на труды ученых первой половины XIX в., а потом шаг за шагом рассматривают последующие этапы. Такой формат зачастую приводит к тому, что дореволюционные и советские нарративы между собой не сопоставляются, а анализируются только в контексте своего времени. В данном случае дореволюционная и советская историографии представляются как закрытые системы, между которыми не происходило трансфера идей. Т. е. получается, что дореволюционные интерпретации не актуализировались, не проявлялись в советское время²¹.

В-четвертых, историки, как правило, начинали свой историографический экскурс с Н.М. Карамзина, оставляя за кадром историографию

²⁰ Švedas A. Matricos nelaisvėje. Sovietmečio lietuvių istoriografija (1944–1985). P. 320–325.

²¹ Исключение – статьи А. И. Филошкина.

XVIII в.²². Для советских и современных российских ученых Н.М. Карамзин – это отправная точка формирования отечественной литуанистики. Данную традицию заложил еще В.И. Пичета, а последующие авторы пошли уже по проторенной дороге. С одной стороны, историческая наука XVIII в. скупа на известия о литовском прошлом, с другой стороны, первым из плеяды крупных отечественных авторов, кто включил литовское Средневековье в орбиту российской исторической мысли, был не Н.М. Карамзин, а В.Н. Татищев. В этом ключе его позиция, как первопроходца по отношению к прошлому Литвы, конечно же, представляет определенный интерес.

Таким образом, несмотря на наличие большого числа работ, затрагивающих историографию средневековой Литвы, данная тема нуждается в новом, более систематическом исследовании.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в том, что на базе современных методологических приемов, привлекая большой круг источников (историографических, а также этнографических и публицистических текстов), дано целостное представление о процессе изучения средневековой истории Литвы в дореволюционной и советской исторической науке. При этом обращается внимание на историографию XVIII в., которая, как правило, оставалась за рамками трудов отечественных и зарубежных исследователей. Широкие хронологические рамки работы позволили предложить авторскую периодизацию изучения литовского прошлого в Российской империи и Советском Союзе.

Положения, выносимые на защиту.

1. Актуальность средневековой истории Литвы в дореволюционной и советской историографии определялась внутри- и внешнеполитической конъюнктурой. Интерес к литовскому прошлому до революции был завязан на двух польских восстаниях (1830–1831 и 1863–1864 гг.), а в советское время – на процессе включения Литвы в состав СССР в 1940 г. Именно эти события оказались отправной точкой «присвоения» литовского средневековья дореволюционными и советскими учеными.

2. Главный историограф николаевской эпохи Н.Г. Устрялов и один из ведущих советских медиевистов В.Т. Пашуто являлись первопроходцами, которые, учитывая ключевые идеологемы имперской политики и национально-государственного исторического нарратива, зало-

²² Исключением является исследование Д.Н. Александрова «Южная, юго-западная и Центральная Русь в XIII–XIV вв. и образование Литовского государства», в которой два абзаца посвящены В. Н. Татищеву и М. М. Щербатову.

жили краеугольный камень в основании дореволюционной и советской концепций средневекового прошлого Литвы.

3. «Присвоение» литовского средневековья национально-государственным историческим нарративом – как до революции, так и в советское время – происходило сквозь призму сюжетов, которые, как правило, шли в строгой хронологической последовательности, образовывая в итоге целостные, довольно логичные, предельно структурированные концепции средневековой истории Литвы: образование Литовского государства, присоединение/включение/захват восточнославянских территорий Литвой/литовскими феодалами, «Наша Литва»: «Другая Русь» vs. «Дружба народов», «Натиск на Восток»: Польша и Германия предпринимают попытки забрать «наши» земли.

4. Дореволюционная и советская концепции литовского средневековья в своей сути имеют расхождения. Первый подход преподносит нам Литву в качестве одного из возможных объединителей русских земель, который, согласно логике исторического развития, справедливо уступил в противостоянии с Москвой, второй – за исключением одного эпизода – вообще не рассматривает Литву как самостоятельно игрока на карте прошлого, представляя ее либо как объект влияния русской культуры, либо как «нашу» территорию, за которую происходит борьба с иноземным «агрессором». При этом сами сюжеты в дореволюционной и советской версиях истории Литвы могли как совпадать, так и отличаться. Но главное в том, что их пронизывала стержневая идея: территория Литвы «наша», как и ее прошлое.

5. Основополагающим лейтмотивом толкования литовского прошлого служил подход, свидетельствующий, что история Литвы «наша». В данной интерпретации важное место отводилось «неприятелю», «врагу», пытающемуся похитить «нашу» Литву. До революции эту роль играла Польша, после – «Германия» в различных ее ипостасях (немецкие крестоносцы, феодалы, «псы-рыцари» и т.д.), возглавляющая западноевропейскую коалицию. Таким образом, в дореволюционной и советской версии картина рисовалась за счет дихотомии, противопоставления «своих» и «чужих» в борьбе за «нашу» землю.

Апробация исследования. Основные результаты диссертационного исследования были отражены в одиннадцати научных статьях, шесть из которых были опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК, а также в выступлениях на международных научных конференциях: доклад «Образ Литвы в отечественной историографии XIX в.», международная научная конференция «Археологические исследования в Калининградской области», г. Калининград, 12.10.2012; доклад «Сюжеты средневековой литовской истории в советской историографии», международная конференция «Прибалтийские исследования в России», г. Калининград, 22.04.2016.

Структура работы определена логикой исследования, целью и поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основное содержание диссертации

Во Введении объясняется выбор темы исследования и актуальность изучаемой проблематики, определяются хронологические рамки, объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи, а также содержится информация об историографии, используемых источниках и методологическом арсенале исследования. Кроме того, в этом разделе дано определение такой важной для диссертационной работы категории, как *сюжет*, а также очерчиваются границы отечественной дореволюционной и советской исторической науки.

Во введении разъясняется, что под отечественной дореволюционной историографией в диссертации подразумевается комплекс трудов, написанных на русском языке в контексте русской исторической традиции. Сочинения дореволюционных литовских и польских ученых не включаются в поле исследования, так как они представляют другую историографическую культуру, в которой рисуется совершенно иная картина литовского прошлого. В свою очередь, произведение советских литовских историков являются предметом диссертационного изыскания, поскольку они построены согласно канонам советской исторической науки. При этом в ходе работы мы не стремимся погрузиться во все хитросплетения, происходившие в советской литовской науке, которая, несомненно, имела свои отличительные черты и в определенных моментах была свободнее, чем официальная советская историография (в особенности это касается 1980-х гг.). Внимание обращается на ключевые моменты, которые были полностью сопряжены, синхронизированы с тем, что вершилось в советской науке.

В первой главе (*«Исследование литовского прошлого в дореволюционной историографии XVIII в – 1850-х гг.»*), реконструируются взгляды отечественных ученых XVIII – первой половины XIX в. на средневековую историю Литвы, исследуется роль Н.Г. Устрялова в «присвоении» литовского прошлого.

Надо отметить, что связь Санкт-Петербурга с бывшими землями Речи Посполитой до второй половины XIX в. в первую очередь осуществлялось посредством взаимодействия с польской или полонизированной шляхтой. К крестьянству, основу которого составляли литовцы и белорусы, российская бюрократия не проявляла должного интереса. Дефицит внимания к литовскому этносу в административной и политической практиках приводил к отсутствию серьезного интереса

к прошлому Литвы в исторической науке, которое являлось для отечественных ученых «чужим» и «периферийным».

В это время к истории ВКЛ исследователи обращаются только для характеристики отношений между русскими княжествами и Литвой. При этом в трудах практически отсутствует информация о событиях, происходивших на территории литовских земель. Вследствие такого подхода Литва и литовцы воспринимаются авторами именно сквозь призму русско-литовских взаимоотношений. Подобного рода нарративы обнаруживаем в трудах В.Н. Тагишева, М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина, Н.А. Полевого, М.П. Погодина, Д.Н. Бантыш-Каменского, С.М. Соловьева и др.²³.

Так, для историков XVIII – первой половины XIX в. тема борьбы русских княжеств с Литвой была ключевой; внимание акцентируется на захвате русских земель. Исходя из этого формируется образ Литвы: на первый план выдвигаются такие ее характеристики, как «опасный соперник» и «завоеватель». Однако существовала и другая, менее характерная для первой половины XIX в. позиция относительно литовского прошлого.

Польское восстание 1830–1831 гг. дало старт изменению отношения к «возвращенному от Польши» краю, и, в том числе, к Литве и ее прошлому в политическом и историческом дискурсах. Осмысление причин «польского бунта» и участия в нем литовцев побудило по-новому трактовать историю Литвы, представив ее прошлое как «наше». Первым и единственным в первой половине XIX в. в России ученым, включившим прошлое Литвы в русскую историю, стал петербургский историк Н.Г. Устрялов, за авторством которого вышла работа «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?» (1839). Он впервые в отечественной науке взял на себя ответственность за попытку показать значение прошлого Литвы для русской истории. Его реконструкция литовской истории была связана с представлениями С.С. Уварова о прошлом Литвы, а также с так называемой «уваровской триадой» – «Самодержавие, Православие, Народность».

ВКЛ в трудах Н.Г. Устрялова изображалось не как «враг» и «противник» Московского государства, а как один из центров собирания раздробленных русских территорий. ВКЛ было таким же русским государственным образованием, как и Московское княжество, законо-

²³ Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2003. С. 290–291; Полевой Н.А. История русского народа. Т. 4. М.: В типографии Августа Семена, 1833. С. 337–338; Погодин М.П. Начертание русской истории. Для гимназий. М.: Университетская типография, 1837. С. 122–128; Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. Ч. I. М.: Типография Николая Степанова, 1842. С. 22–26.

претендовавшим на наследство Киевской Руси. Конкуренция между двумя центрами, Вильном и Москвой, должна была обязательно закончиться их объединением, слиянием княжеств в одно целое. Т.е. история Литвы в сочинениях Н.Г. Устрялова – это русская история. Такой подход к прошлому западнорусских земель С.С. Уваров оценивал высоко, полагая, что одна из ключевых задач министерства состоит в уменьшении протестных настроений жителей Западного края по отношению к России²⁴.

Так в 1830-е гг. архитекторы имперского дискурса пытаются найти место прошлому Литвы в рамках русской истории и расположить территорию Литвы в идеологическом пространстве Российской государства. Благодаря этому запускается интеграционный механизм присвоения территории, в котором историческая наука оказывается одним из ключевых инструментов, позволяющих с помощью исторических фактов доказать наследственное право собственности Руси/Московского государства/Российской империи на литовские земли.

Тем не менее русская интеллигенция долгое время все равно продолжала смотреть на Западный край как на «польскую провинцию». Поэтому не удивительно, что концепция литовской истории Н.Г. Устрялова не нашла поддержки в научной среде и оставалась в первой половине XIX в. единственным исключением из правил. К прошлому Литвы многие исследователи относились с большим недоверием, как к чему-то чужому. К.Н. Бестужев-Рюмин вспоминал, что Н.Г. Устрялову даже ставили в вину то, что он внес литовское княжество в отечественную историю²⁵.

Во второй главе (*«Польское восстание 1863–1864 гг. и вопросы средневековой истории Литвы в российской медиевистике 1860-х гг. – начала XX в.»*) анализируется реакция русского общества на восстание 1863–1864 гг. и его влияние на присвоение литовского средневекового прошлого отечественной наукой. Кроме того, в рамках данной главы освещаются вопросы, связанные с институализацией отечественной литуанистики, а также систематизируются ключевые сюжеты литовского средневековья

В Западном крае процент польской шляхты, принявшей участие в восстании 1863–1864 гг., был значительно выше, чем в Царстве Польском. Часть литовского населения поддержала антиправительственное движение первой половины 1860-х гг. Местная администрация полага-

²⁴ Устрялов Н.Г. Исследование вопроса какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. С. 16–42.

²⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. Рец. на кн. Брянецв П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. // Журнал министерства народного просвещения. 1889. № 5. С. 453.

ла, что всему этому причиной являются «польские интриги», поэтому надобно бороться за «мужика», т.е. за литовского крестьянина, который по природе своей союзник России. В этом контексте большую роль в формировании восприятия литовского народа во второй половине XIX в. в среде русской интеллигенции играл популярный публицист и политический деятель той поры А.Ф. Гильфердинг. Он всячески подчеркивал, что российское общество долгое время относилось к литовской народности как к части Польши, тем самым лишая себя возможности освободить эту территорию от польских притязаний. Для того чтобы изменить ситуацию, отечественным исследователям, писал А.Ф. Гильфердинг, необходимо прежде всего изучить литовский край²⁶.

Незнание прошлого ВКЛ осознавалась как проблема, поэтому не удивительно, что в 1860-е гг. начинают публиковаться исторические источники, в которых затрагиваются вопросы истории ВКЛ, а также происходит институциональное оформление научных центров, специализирующихся на исследовании литовского прошлого. Ведущими научными центрами, разрабатывающими западнорусское средневековье и в его контексте историю Литвы, во второй половине XIX в. становятся Киевский университет им. Св. Владимира (М.Ф. Владимирский-Буданов, Ф.И. Леонтович, В.Б. Антонович и др.), Петербургский университет (К.Н. Бестужев-Рюмин, С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков и др.), Санкт-Петербургская духовная академия (М.О. Коялович, П.Н. Жукович и др.) и Московский университет (И.Д. Беляев, М.К. Любавский, В.И. Пичета и др.). В своих трудах дореволюционные авторы, как правило, уделяли место таким сюжетам как древнейший период истории Литвы, причины консолидации литовских племен и образования Литовского государства, присоединения/включения/захват восточнославянских территорий Литвой и формирование Литовско-Русского государства на протяжении XIII и XIV вв., русская природа Литовского государства, самобытные черты литовцев и их роль в процессе создания совместного государства, ВКЛ как «Другая Русь» и Кривая уния.

Эти сюжеты показывают нам то, каким образом во второй половине XIX в., после «Январского восстания» (1863 г.), происходила интеграция литовского прошлого в официальную концепцию российской истории. Для этого была реанимирована конструкция литовского прошлого Н.Г. Устрялова, дополненная актуальными, связанными с современной политической и социокультурной действительностью исто-

²⁶ Гильфердинг А. Литва и Жмудь // Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Печатня В.Головина, 1868. С. 364, 374–377; Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева. Т. 1. Вильна: Русский Почин, 1906. С. 34–35.

рическими сюжетами. В итоге была нарисована живописная картина литовской старины, в которой Западный край Российской империи представлялся как коренные русские земли, подвергшиеся ополячиванию. Территория Литвы в этой концепции инкорпорировалась в западнорусское пространство. Подобного рода историческая реконструкция позволяла делать вывод о том, что разделы Речи Посполитой являются восстановлением исторической справедливости. «Наши» земли после долгих скитаний вернулись в лоно Российской империи, но польские заговорщики продолжают здесь плести свои интриги.

Уход «антипольскости» из отечественной науки в конце XIX – начале XX в. деактуализировал в российской историографии не только сюжет о Кревской унии, но и также идеологическую составляющую прошлого Литвы. В начале XX в. отечественная литуанистика достигает своей вершины в трудах М.К. Любавского и А.Е. Преснякова. Смена власти в России в 1917 г., изменение политики в области истории прервали богатую дореволюционную традицию изучения истории Литвы.

В третьей главе (*«Ключевые эпизоды литовского средневековья в советской исторической науке»*) рассматривается становление советской науки, изучающей литовское средневековье, а также классифицируются ключевые сюжеты литовского прошлого, свойственные советскому нарративу.

Октябрьская революция оказалась переломным моментом в исследовании средневекового прошлого Литвы. Москва, Петроград и Киев утратили свое значение как центры литуанистики. Часть историков, специализировавшихся на западнорусской истории, были вынуждены покинуть советскую Россию (И.И. Лаппо, Е.Ф. Шмурло, М.Н. Ясинский и т.д.). Оставшиеся в Советской России исследователи по разным причинам не могли заниматься литовской историей.

Отсутствие литовской и западнорусской проблематики в литературе 1920 – первой половины 1930-х гг. связано с теми процессами, которые в это время происходили в исторической науке. После революции наследие «буржуазной историографии» подверглось коренному пересмотру, и преемственность традиций изучения литовской истории была нарушена. «Старым специалистам» в эти года невероятно сложно было приспособиться к сложившимся реалиям и продолжать заниматься научной деятельностью. К тому же стоит учитывать, что на дореволюционных исследователей оказывается постоянное давление со стороны власти. На всю страну прогремело так называемое «Академическое дело», сфабрикованное против многих видных историков, подвергшихся в итоге заключениям и ссылкам. Среди репрессированных – М.К. Любавский, В.И. Пичета и С.Ф. Платонов.

Возвращение интереса к литовскому прошлому и правильная постановка предмета истории Литвы в советской историографии, по мнению одного из корифеев литуанистики В.Т. Пашуто, были связаны с разгромом «школы» Покровского²⁷. Правда, с «официальной» версией В.Т. Пашуто сложно согласиться, так как обращение к литовской тематике скорее было вызвано не идеологической кампанией против учеников М.Н. Покровского, а изменением отношения партийного руководства к роли исторической науки и включением Литвы в состав Советского Союза, которое потребовало оформления официальной позиции власти касательно прошлого Литвы.

Во второй половине 1930-х гг. произошла реабилитация ряда «старых» специалистов, среди которых был В.И. Пичета, являвшийся авторитетнейшим специалистом по истории Литвы XV–XVIII вв. В 1930–1940-е гг. по сути он был единственным советским экспертом по литовскому средневековью. Именно его перу в это время принадлежат рецензии на все те статьи, которые выходили в советских журналах и были в той или иной мере связаны с прошлым Литвы. В конце 1940-х гг. дело В.И. Пичеты продолжил В.Т. Пашуто, который явился ключевой фигурой в советской литуанистике. Уже будучи состоявшимся ученым В.Т. Пашуто напишет, что В.И. Пичета высказал немало ценных мыслей по ранней истории Литвы, но так и не оставил специальных исследований, касательно данной темы. В итоге В.Т. Пашуто взял бремя написания «специального исследования» по истории Литвы на себя. В течение 1950-х гг. он выпустил блок статей и монографий, в контексте которых затрагивал внешнеполитические, внутриполитические, социально-экономические аспекты прошлого литовского народа. Итогом его работы стал фундаментальный труд «Образование Литовского государства», который В.Т. Пашуто защитил в качестве докторской диссертации в 1959 г. Эта работа В.Т. Пашуто стала основополагающим исследованием для советских ученых, которые занимались историей Литвы. Последующие советские авторы в большинстве своем только лишь развивали выводы В.Т. Пашуто, а литовская история освещалась в 1980-х гг. преимущественно в общих изданиях или учебной литературе.

Надо отметить, что в 1940–1950-е гг. были сформированы устойчивые каноны советской исторической науки, в соответствии с которыми возникла классическая система исторических представлений. Параллельно с этим, в том числе благодаря стараниям В.Т. Пашуто, сложились ключевые сюжеты, в контексте которых происходила репрезентация литовской истории. Данные сценарии были напрямую взаимосвязаны с важнейшими событиями в истории СССР, соответствовали

²⁷ Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. С. 240.

парадигме советского партийно-государственного дискурса и отвечали потребностям политических практик. Средневековое прошлое Литвы в советской науке сократилось до четырех базовых сюжетов: становление Литовского раннефеодального государства, образование ВКЛ и генезис феодальных отношений в Литве, глубокие исторические корни «дружбы» литовского и русского народов, совместная борьба Литвы и русских княжеств против «Натиска на Восток»/захват Литвой (литовскими феодалами) русских, белорусских и украинских земель.

Эта советская версия средневековой литовской истории являлась взглядом на настоящее, опрокинутым в прошлое. По сути, ученые провели селекцию литовского средневековья, отобрав из богатой событиями литовской истории факты, не противоречившие ключевым положениям официального нарратива. Краеугольные образы прошлого ВКЛ были переосмыслены в новых контекстах. Важнейшие внутри- и внешнеполитические события советского периода опосредовано влияли на проектирование ключевых эпизодов литовской истории.

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования, в котором показано, как внутри- и внешнеполитическая конъюнктура предопределяла интерес к литовскому прошлому в дореволюционной отечественной и советской историографии. Именно идеологическая составляющая, до революции связанная с двумя польскими восстаниями (1830–1831 и 1863–1864 гг.), а в советское время – с присоединением Литвы к СССР в 1940 г., оказалась спусковым механизмом начала процесса присвоения литовского средневековья, которое являлась ключевым, наиболее славным периодом истории Литвы.

Изучение и изложение литовской истории, ее интеграция в дореволюционную российскую и советскую историографию происходила сквозь призму определенного набора сюжетов, являющихся составными элементами единой концепции. Каждый из сюжетов в этой схеме играл свою роль и имел обусловленное концепцией функциональное значение. При этом сюжеты литовского средневековья были взаимосвязаны друг с другом и, как правило, шли в строгой хронологической последовательности, образуя в итоге целостную панораму «нашей» русской истории ВКЛ. Если сопоставить дореволюционные и советские сюжеты, то мы можем прийти к следующему результату:

1. Образование Литовского государства

Основное внимание дореволюционных и советских историков в рамках этого сюжета было сфокусировано на изложении причин, приведших к образованию литовской государственности. Дореволюционные ученые не утруждали себя всесторонним и глубоким погружением в исследование этого вопроса и делали акцент на внешнеполитическом факторе, который, по их мнению, побудил «разрозненные» литовские племена к совместным действиям ради создания своего собственного

государства. В большинстве своем исследователи полагали, что Литовское государство было основано по причине того, что балтские племена оказались перед угрозой потери независимости из-за появления в Юго-Восточной Балтике рыцарских орденов.

В советском дискурсе интерпретация данного эпизода, в отличие от дореволюционного нарратива, осуществлялась в социально-экономическом измерении с учетом основных концептов марксизма-ленинизма. По мысли советских исследователей, в стане литовских племен сложились такие условия, которые позволили Литве перейти от первобытно-общинного строя к феодализму.

2. Присоединение/включение/захват восточнославянских территорий Литвой/литовскими феодалами

Проблема присоединения русских территорий к Литовскому княжеству – одна из центральных тем дореволюционной литуанистики. В контексте этого сюжета, прежде всего, анализировались факторы, повлиявшие на присоединение/включение/захват восточнославянских территорий Литвой, а также механизмы осуществления этого процесса.

В XVIII – первой половине XIX в. к литовскому прошлому обращались через призму внешнеполитической плоскости: в этом нарративе литовцы оказывались в роли завоевателей, посягнувших на русские земли по причине их слабости из-за раздробленности и татаро-монгольского нашествия. Во второй половине XIX в., в связи с изменением отношения к литовской истории, такой подход претерпел трансформацию. «Другая Русь» не могла быть создана только в результате захвата русских территорий. Русская концепция истории Литвы предполагала, в том числе, бесконфликтный формат взаимоотношений. Так, появился тезис о том, что Литовско-Русское государство было создано «не одной силой оружия». Историки, как и прежде, упоминали о сложном положении русских земель в XII-XIV вв., но теперь такая репрезентация использовалась в связке с постулатом, свидетельствующим о том, что литовцы – это не захватчики, а защитники русских княжеств, оказавшихся в силу объективных причин в бедственном положении.

Для советской историографии были характерны те же тенденции, что были свойственны дореволюционной литуанистике. Сначала в советской исторической науке о Литве писали как о «враге», оккупировавшем русские земли. В первую очередь этот сюжет был востребован в «милитаризированный» период советской историографии с конца 1930-х по первую половину 1950-х гг., в том числе в связи с необходимостью объяснить, как молодому Литовскому государству удалось присоединить огромные просторы русских княжеств. Ключевая идея данного нарратива проста: экспансия литовских феодалов в пределы нашего Отечества возможна только в период слабости Москов-

ского княжества. Как только Русское централизованное государство окрепло, оно сразу поставило вопрос о восстановлении исторических прав на захваченные врагами русские, украинские и белорусские территории.

Исчезновение конфронтационного описания русско-литовского прошлого было сопряжено с появлением в научном дискурсе концепции «Дружбы народов»: историки в своих работах были вынуждены затенять конфликты, происходившие между народами СССР.

3. «Наша Литва»: «Другая Русь» vs «Дружбы народов»

Ключевое положение дореволюционной и советской концепций прошлого ВКЛ заключалось в том, что сильное Литовское княжество во второй половине XIV в. становится русским, т.е. «нашим». Несмотря на то, что доказательная база дореволюционных и советских историков была схожа, сами сюжеты о «нашем» Литовском государстве в дореволюционной и советской версиях различались.

В дореволюционной науке для обоснования русской природы ВКЛ эпизоды литовской истории выстраивались в определенной хронологической логике. Свое повествование историки всенепременно начинали с упоминаний о том, что даже первые свидетельства выявляют значительное воздействие восточнославянской культуры на балтские сообщества. После присоединения русских территорий Литвой происходит существенная интенсификация влияния русской народности: в итоге победители-литовцы покоряются «русской цивилизации», поскольку понимают ее превосходство. Для того чтобы убедить себя и читателя в том, что ВКЛ являлось русским государством, применялась четкая система аргументации, опиравшаяся на тезис о господстве «русской цивилизации» в Литовско-Русском княжестве. С одной стороны, отмечалось территориальное и численное преобладание русской народности в Литовско-Русском государстве. С другой стороны, рисовалась картина, показывающая, что политический, общественный строй, организация войска Литовского княжества формировались и основывались на русских традициях. Т.е. сюжет о русской природе ВКЛ представлял собой комплекс доказательств русского фундамента, основы и облицовки Литовско-Русского государства. А раз княжество по своей сущности являлось русским, то и относиться к нему следует как к своему государству, «Другой Руси», которая вместе с Москвой занимается общим делом: объединяет раздробленную Русь. В ходе притяжения русских земель Москва и Вильно, централизаторский курс которых идентичен, вступают в схватку друг с другом. В конечном счете это противоборство должно завершиться их слиянием, потому что самой историей предначертано существование объединенного Русского государства. При этом именно Москва из этого соперничества должна выйти победителем, так как она имеет больше шансов на

успех, являясь более правильным претендентом на наследство Киевской Руси.

Советская историография с большой долей критики относилась к дореволюционной концепции ВКЛ как «Другой Руси». Для советского нарратива не была свойственна альтернативность: Московское государство является единственным законным прямым наследником Киевской Руси, а никакой «Другой Руси» вообще не существовало. В советский период присвоение литовского прошлого осуществлялось с учетом основных положений концепции «Дружбы народов», являвшейся одной из центральных советских мировоззренческих доктрин, объяснявшей бытие СССР и фатальную неотвратимость вхождения в него братских республик.

В случае литовской истории особое внимание акцентировалась на ряде основополагающих и взаимосвязанных между собой тезисов. Во-первых, утверждалось, что незыблемая и нерушимая дружба между русским и литовским народами существует с давних пор. Сообразно данной логике эта дружба перманента. Временный уход с правильной орбиты развития литовской народности, т.е. самостоятельность Литвы или ее попадание в состав другого государства, объяснялся происками чужеземцев или антагонистически настроенных классовых элементов. Во-вторых, в этой дружбе именно русский народ оказывается выразителем прогрессивных явлений, первым среди равных, старшим братом, постоянно защищающим, позитивно влияющим и развивающим своего младшего сородича в лице литовского народа. Соответственно, эта прогрессивная роль исторического союзника великого русского народа просматривается испокон веков.

В данной схеме «настоящая» Русь была активным субъектом, положительно воздействующим на Литву, которая в свою очередь являлась объектом, закономерно вбирающим в себя «прогрессивные» элементы русской цивилизации. В подобного рода трактовках советская историография во многом пересекалась с дореволюционным нарративом: их историсофское основание зиждилось на идее об особой значимости русской истории, истории русского народа, оказывающей генеральной линией, притягивающей, как магнит, прошлое братских народов.

4. «Натиск на Восток»: Польша и Германия предпринимают попытки забрать «наши» земли

Когда речь заходит о «наших» территориях, то в рассказе неизменно должен присутствовать отрицательный персонаж, «враг», который пытается незаконно завладеть по праву принадлежащими нам территориями. В дореволюционном варианте в отношении литовского прошлого такими «врагами» оказывались поляки, в советской вариации – немецкие рыцари. При этом в дореволюционной историографии образ

«врага» замыкался на конкретном событии – Кривской унии, в советской науке – концентрировался на длительном процессе «Натиска на Восток» западноевропейских феодалов.

Дореволюционный нарратив второй половины XIX в. под влиянием Польского восстания 1863–1864 гг. был выстроен таким образом, чтобы подвести читателя к эпилогу, заключительному сюжету русской версии литовского средневековья. Кривская уния – это финальный эпизод, который имеет цель, с одной стороны объяснить, почему «Другая Русь» несмотря на всю логику исторического развития в итоге стала Польско-Литовским государством, не «нашим», а «чужим», с другой стороны – идеологически легитимировать присоединение территорий, полученных в ходе разделов Речи Посполитой. В конце XIX – начале XX в. этот сюжет постепенно стал исчезать из работ ученых в связи с уходом «антипольскости» из общественно-политического дискурса.

Сообразно этой сюжетной линии в Литовско-Русском государстве господствует русская цивилизация, практически полностью переварившая самобытную языческую литовскую культуру. Но происходит событие – Кривская уния, и Литва, без пяти минут русское государство, становится польской. Суд из историков второй половины XIX в. выносит приговор: виновной в краже Литвы признается Польша, которая хладнокровно пошла на преступление, нарушив «правильный» ход исторического процесса. Следовательно, разделы Речи Посполитой не что иное как «Отторженная возвратих», законное возвращение похищенных земель.

После «Октября» на фоне литовской истории образ «врага» был сюжетообразующим элементом темы, повествующей о «Натиске на Восток». Данная концепция, согласно которой Германия, в различных ее ипостасях, ссыздавна стремилась завладеть «нашими» землями, была сформирована для мобилизации советского общества в преддверии и в ходе Великой Отечественной войны.

Литовская история, как и прошлое других балтских народов, удачно вписывалась в советский исторический ландшафт, свидетельствующий о единой всенародной борьбе русского и других братских народов с «Drang nach Osten». При этом национальный конфликт литовцев перекалифицировался в конфликт национально-социальный, так как в ходе него было не только противоборство с немцами, но и схватка с реакционными классами, которые предательски поддерживали иноземных злодеев. Конечно же, в этом кровопролитном противостоянии не на жизнь, а на смерть, Русь выступала и как единственная сила, которая может остановить немецкое продвижение на Восток, и как верный союзник, регулярно протягивающий руку помощи нуждающимся братским народам. Именно благодаря Руси, которой принадлежит ре-

шающая роль в борьбе с крестоносной агрессией, литовцы смогли отстоять свою независимость.

Таким образом, история Литвы в дореволюционной и советской историографии излагалась сквозь призму межкультурного взаимодействия, социально-экономических и внешнеполитических проблем, в рамках определенного структурированного набора сюжетов. В результате утверждения системы интерпретаций образов и символов прошлого Литвы произошла инструментализация исторических представлений о литовском народе.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Мегем М.Е. Натиск на Восток в советском историческом дискурсе // Вестник РГУ им. И. Канта. 2010. №12. С. 78–84.
2. Мегем М.Е. Образ средневековой Литвы в историографии первой половины XIX века // Вестник РГУ им. И. Канта. 2011. №12. С.144–155.
3. Мегем М.Е., Вакар М. Литва XI–XIV веков в трудах отечественных историков 50–70-х годов XIX века // Балтийский регион. 2012. № 1. С. 144–153.
4. Мегем М.Е. Сюжеты средневековой литовской истории и политика конструирования прошлого в советской историографии // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2013. № 3. С. 7–16.
5. Мегем М.Е., Вакар М. Дореволюционная и советская историография средневековой Литвы в трудах современных российских историков // Балтийский регион. 2014. № 4. С. 126–136.
6. Мегем М.Е. «Русская Литва» в концепции Н.Г. Устрялова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 12. С. 14–20.

Другие публикации:

7. Мегем М.Е. Литва Миндовга и её соседи. Историографический аспект // Исследования Балтийского региона. 2009. №2. С. 95–96.
8. Мегем М.Е. Литва Миндовга и её соседи. Краткий экскурс в русскую историографии// Исследования Балтийского региона. 2009. №3. С. 116–127
9. Мегем М.Е. Литва Миндовга и северо-западные русские княжества // Балтийские исследования. 2009. № 4. С. 54–59.

10. Мегем М.Е. История средневековой Литвы в имперском дискурсе второй половины XIX века // СЛОВО.РУ: Балтийский акцент. 2012. № 3. С. 98–110.

11. Мегем М.Е. Образ Кревской унии в дореволюционной историографии // Lietuvos istorijos. 2015. № 4. Р. 51–67.